ОПЫТ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ВЛАСТИ И ОППОЗИЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920-1922 ГОДАХ

Панькин С.И.

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия, история и право»
Челябинского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Россия),
454000, Россия, г. Челябинск, ул. Работниц, д. 58, pstanislav78@yandex.ru

УДК 9(470.55/.58)
ББК 63.3(235.557)

Статья посвящена альтернативам силового решения повстанческого движения в России в 1920-1922 годах. Выявлены особенности переговоров Советской власти и оппозиции в регионе, проанализированы нормативные документы, созданные в результате политического компромисса.

Ключевые слова: гражданская война, антисоветские восстания, повстанчество, мирные переговоры.

Pankin S.I.

EXPERIENCE OF PACIFIC SETTLEMENT OF ARMED CONFLICTS BETWEEN THE POWER AND THE OPPOSITION IN THE SOUTHERN URAL REGION IN 1920-1922

The article is devoted to alternatives of the solution by force of insurrectionary movement in Russia in 1920-1922. The author introduces peculiarities of negotiations between the power and the opposition in the region, analyses normative acts produced as a result of political compromise.

Key words: civil war, anti-Soviet rebellion, insurrectionary movement, peaceful negotiations.

В 1920-1922гг. Южный Урал, как и ряд других регионов России, являлся ареной вооруженного противостояния между советской властью и широкомасштабным повстанческим движением. Ведущей причиной восстаний явилась продовольственная политика, методы ее проведения и террор. Помимо силовой ликвидации отрядов, с практикой заложничества, расстрелами пленных, коммунистическая власть на центральном и местном уровнях искала и мирные средства, неоднократно идя на уступки. Изучение темы переговоров на завершающем этапе гражданской войны позволит объяснить особенности становления советского государства и права в этот переломный для российского общества период, а значит уточнить содержание отечественной правовой системы в эпоху социализма. В исследованиях по заявленной теме процессы мирного урегулирования вооруженного противостояния не являлись предметом специального анализа, а рассматривались в контексте повстанческого, крестьянского, национального движения или партийно-советского строительства в регионах[3,6,10,11].

Среди советской элиты на местах, в числе прочих были и те, кто участвовал в работе комиссий по сдаче в плен белогвардейцев и других контактах с противниками в ходе Гражданской войны. Подвижниками выступали лица, осознававшие причины происходящего, возможные последствия силового решения и собственные перспективы.

Нередко инициативу проявляли карательные части. В феврале 1920г. в Нижне-Алабугской волости Курганского уезда уполномоченный Комиссии по борьбе с дезертирством Л. Клейн бескровно ликвидировал т.н. «Синюю армию» дезертиров, пообещав разобраться с выплатой пособий семьям красноармейцев и с самоуправством местного военкома. Другой уполномоченный, Мешков, в мае 1920г. пообещал от имени уездной власти Кустаная скорой отправки дезертиров на фронт и выполнение их требований, чем добился сдачи 150 чел. «банды» Логинова. Командир эскадрона Охранюк осенью 1920г. на свой страх предложил повстанцам села Чукари-Ивановка в Башкирии сложить оружие, гарантируя жизнь. Многие сдались, но это не спасло их от наказания, вынесенного Трибуналом [1]. Данные миротворческие процедуры нельзя однозначно отнести к переговорам, по факту это сдача на некоторых условиях, продиктованных желанием уберечь себя и близких от расправы. То есть основные болевые точки, на которые нажимали инициативные

© Панькин С.И., 2014

представители карательных отрядов — это гарантия неприкосновенности семей повстанцев, их защита от произвола представителей местной администрации, нередко сводивших личные счеты. Предмет соглашений — разоружение и сдача с неопределенными перспективами уголовного преследования, часто во внесудебном порядке (коллегиями ЧК, опертройками и т.п.)

Яркий пример мирного прекращения противостояния имел место в Башкирии осенью 1920г. Республиканская власть и повстанцы, в ходе переговоров, пришли к политическому компромиссу, удовлетворившему обе стороны. Инициатива исходила от повстанцев, передавших в ноябре свои предложения в БашОбком РКП(б), где решили направить к ним делегацию и создать комиссию по сдаче в селе Петровском. Необходимо уточнить, что восставшие гарантировали сложить оружие на определенных условиях, а коммунисты обещали амнистию при добровольной явке в течение трех недель после выработки окончательного соглашения. Контролировать процесс на месте должна была совместная «Комиссия по проведению перехода на сторону Советов», которой передавалась вся полнота власти в районе восстания [2]. Заслуживает внимания готовность власти республиканского уровня к диалогу с повстанцами и особенно подтверждение их полномочий в составе совместной комиссии, обретавшей т.о. легитимность со стороны обеих противоборствующих сил. Данный опыт актуален и для новейшей истории. Так, по итогам переговоров с боевиками в Хасавюрте в 1996г. на переходный период создавались совместные комендатуры, деятельность которых символизирует окончание первой Чеченской кампании. Подобная ситуация в 1920г. оказалась возможной лишь при определенных условиях, связанных не только с усталостью от войны и взаимного террора. Лидеров повстанцев и руководство БашОбкома в прошлом связывали служба у белых, в Красной Армии и работа в местных структурах власти. Так, эмиссары, попав на линию фронта, благодаря знакомству с полевыми командирами сразу наладили контакт с ними, по этому принципу и подбирали делегатов. Здесь опробовали технологии умиротворения: совместный митинг крестьян, повстанцев и делегатов БашОбкома, их сопровождение уже «бандитским отрядом» в следующий пункт экспедиции село Темясово, где и начались переговоры.

Лидеры повстанцев озвучили требования: считать их не исключенными из РКП(б), всеобщая амнистия, вольная торговля, обязательное присутствие двух третей башкир во всех органах власти, предание суду частей и лиц, проводивших террор в отношении жителей [3, с. 135]. Делегация не управомоченная на утверждение всех пунктов, телеграфно запрашивала Стерлитамак. Ряд вопросов остался открытым, по другим достигли договоренности и миротворческий процесс набирал обороты. Отдельные представители с обеих сторон умышленно затягивали переговоры. Одни в надежде, что уставшие от ожесточенной борьбы рядовые повстанцы и население заставят своих командиров пойти на мир по ограниченному варианту БашОбкома, другие требовали, чтобы повстанцы не сдавали оружия, по крайней мере, сначала разошлись по домам. Даже самые ретивые карательные отряды не могли не признать легитимность происходящих переговоров под страхом оказаться вне закона и попасть между двух огней. С другой стороны популярные полевые командиры могли и не признать выработанные условия. Таких «непримиримых» лидеров, как Х. Унасова, убеждали уже члены совместной комиссии.

Сомневающиеся оставались с обеих сторон, но в конце ноября 1920г. ситуация внезапно обострилась. В русских селах Зилаирского кантона вспыхнуло восстание, охватившее большую территорию [4, с. 147-150]. Эти обстоятельства заставили коммунистов идти на уступки. В Темясово начала работу комиссия по расследованию преступлений чекиста В. Поленова с соучастниками, вскрывшая многочисленные факты жестоких расправ над жителями. В итоге 26.11.1920г. представители, Башобкома РКП(б), БашЦика и «восставших граждан» подписали окончательное соглашение, изданное в воззвании «Ко всем гражданам БАСР». Этот документ выдержан в спокойном тоне. Основная идея - выступления проходили против действий конкретных лиц «русской народности… проявивших недопустимый шовинизм». Лидеры повстанцев названы в договоре «оторвавшейся от правительства башкирской группой», не имевшей «контрреволюционных устремлений» и разногласий с Центром БАСР. Сами события обозначены в документе как «недоразумение с частичными вооруженными столкновениями, породившими партизанщину».

Повстанцы добились полной амнистии всем перешедшим с оружием, создания комиссии по разбирательству действий, «совершенных во время восстания», то есть за убийства коммунистов, захват складов, порчу госимущества виновные отвечали только перед ней. Лица призывного возраста отправлялись в РККА, причем со своим оружием, нередко во главе прежних командиров, а остальные - по домам. Объявлялось, что члены «РВС повстанческой Башкирской Красной Армии» и другие лидеры «привлекаются к работе в правительстве БАСР». Они же и представители БашОбкома заклеймили продолжавших сопротивление крестьян Зилаирского кантона как «контрреволюционную кулацкую свору», которую решили «давить самым беспощадным образом» [5]. Из текста соглашения и последующих событий видно, что проявляя политическую волю, стороны использовали международно-правовой принцип изъятия пленных и сдавшихся комбатантов из-под действия уголовного закона

Советской России на основании признания повстанцев воюющей стороной. Ряд повстанцев получили ответственные посты вплоть до замнаркомвоена БАСР (С. Мурзабулатов) и предревтрибунала республики (Т. Имаков) [6, с. 313]. В итоге в конце 1920г. в Башкирии наступило относительное затишье. Стоит отметить, что Обком пошел на переговоры после осознания всей пагубности ситуации, в частности «перегибов» В. Поленова. Повстанцы, большинство требований которых было выполнено, по сути, подтвердили свою правоту и легитимность. Но говорить об их победе все-таки нельзя, так как часть лидеров уничтожили, другие, имея немало соратников, продолжали сопротивление и в 1921г.

Рассмотренный пример показывает, что в урегулировании повстанческого движения право играло определенную роль, вводя этот во многом стихийный политический процесс в нормативные рамки. В большинстве случаев реализовывалась следующая схема. Договоренности, достигнутые в ходе соглашений, воплощались в совместных постановлениях и резолюциях. Исполнение таких решений, как разоружение, разбор конфликтных ситуаций и трибунальное правосудие в отношении виновных с обеих сторон, возлагалось на представителей совместных комиссий или партийно-советских структур, где, на основании политических соглашений, ряд ответственных постов занимали вчерашние повстанцы.

Не все конфликты разрешались мирным путем. Летом 1921г., после подавления ведущих очагов Западносибирского восстания в пределах Челябинской губернии, Губком РКП(б) решил поддержать инициативу нескольких отрядов, «изъявивших желание сдаться на определенных условиях». На первом этапе, когда переговоры вели уполномоченные ГубЧК, они зашли в тупик. Повстанцам заявили, что «большинство, за исключением части сознательных, помилуют», последние от таких условий отказались [7]. Губком РКП(б) поручил выехать к «руководителям бандитов» губвоенкому А.Б. Каврайскому. По итогам поездки он представил доклад, где изложил заявленные ему условия сдачи: разоружение коммунистов в сельской местности и отмена трудповинности. То есть повстанцы соглашались на объективный суд и вопрос об амнистии не ставился. По итогам А.Б. Каврайский предлагал запретить самосуды, пообещав амнистировать сдавшихся и взять заложников из семей повстанцев-добровольцев. Его предложения воплотились в приказе Губкома и Губисполкома, изданном 18.06.1921г. в виде обращения к «обманутым белогвардейцами». Всем сдавшимся в течение месяца (до 17.07.1921) после прохождения «политшколы» обещали освобождение от ответственности. Войскам и местным органам власти запрещалось творить самосуд под страхом наказания. Волисполкомы обязали взять по одному трудоспособному заложнику (любого пола) отправить в Курган, что и было сделано [8]. Значительной явки не произошло, оружие сдали в основном молодые мобилизованные повстанцами крестьяне. Переговоры не увенчались успехом, а инициатива чекистов объясняется опасением восстания в казачьих районах Куртамышского уезда и его слияния с имеющимися очагами сопротивления. В то же время в Башкирии результатом переговоров явилась сдача крупного отряда, а по сути - исчезла угроза очередной волны взаимного террора.

В июне 1921г., после поражения повстанческой «армии» Черского, входившие в нее башкиры вернулись в Бурзян-Тангауровский кантон во главе с Ф. Магасумовым и Г. Амантаевым. Захватив обоз с продовольствием в селе Юлук, они передали в местный исполком «согласие перейти» на сторону Советов, при условии «влить их войска в любую войсковую часть БССР». Свои взгляды Г. Амантаев озвучил так: «Боремся за самостоятельную Башреспублику, но не за коммунию». Предисполкома кантона К. Идельгужин, активный участник переговоров в ноябре 1920г., убедил местные власти «гарантировать жизнь и свободу», связался с БашЦиком, и был телеграфно уполномочен на переговоры. В ходе «горячих прений» стороны вынесли постановление «О переходе повстанческих войск на сторону Сов. власти», где особо подчеркивалась недопустимость «прошлогодней истории повстанческих войск, окончившейся убийством некоторых руководителей». К постановлению прилагались условия сдачи: амнистия, прекращение военных действий, создание из повстанцев призывного возраста отдельной боевой единицы, роспуск по домам остальных, учет при построении власти требования «повстанческих войск» [9]. Непримиримые во главе с Ф. Магасумовым и Усмановым ушли в горы, где сопротивлялись и пали в боях.

Благополучный исход таких процедур во многом зависел от позиции руководителей на местах, нередко бывших повстанцев. Они являлись посредниками и сдерживали радикалов с обеих сторон. Но переговоры могли быть и тактической уловкой с целью взять паузу, выиграть время. Так, находясь в Уильском укреплении лидер «Восставших войск воли народа» В. Серов в 1922г. установил связь с командованием Заволжского военного округа, использовав как повод объявленную амнистию. Реальная причина - большое количество раненых и больных, которым требовалось время, чтобы вернуться в строй. Сторонам удалось добиться перемирия на период с 26 января по 9 февраля. Попытка В. Серова продлить его по окончании не имела успеха - по настоянию главкома РСФСР С.С. Каменева, но повстанцы добились желаемого восстановив свою боеспособность [10, с. 166-167].

Соглашения заключались и с отдельными лидерами, даже растерявшими бойцов. Заинтересованность в них объясняется стремлением прекратить движение

на рубеже 1921-1922гг.. любыми средствами. Значимым в настоящем и прошлом лидерам, обещали жизнь и свободу, в обмен на публичные заявления и обращения к уцелевшим повстанцам с призывом прекратить сопротивление. Предметом «торга» выступала также безопасность родственников, друзей и сотен пленных. По мнению некоторых исследователей, переговоры свидетельствуют «о коренном переломе повстанческого движения» [11, с. 330]. Но скорее стоит признать, хотя и с оговорками, что успешные соглашения и их реализация - это успех в большей степени повстанцев, чем власти, а согласие восставших на переговоры доказывало, что они взялись за оружие вынужденно.

На местном уровне ситуацию пытались разрешить обе стороны, а кто начинал мирные контакты - было не суть важно. Всё же в большинстве случаев инициатива начать диалог исходила от повстанцев, хотя единства в их лагере на счет всех условий не было. У Советской власти в регионах также отсутствовала единая линия и последовательная позиция относительно переговоров с восставшими: все зависело от времени их проведения и местных условий. Но партийные руководители различного уровня спокойно шли на переговоры с «бандитами» не боясь растерять свой авторитет, демонстрируя готовность соблюдать условия соглашений длительное время, что в ряде случаев и происходило. Стороны руководствовались главной общей целью — остановить кровопролитие и в процессе диалога не вдавались в идеологические дискуссии. Повстанцы соглашались на переговоры только с центральной властью, или как минимум губернского уровня, а коммунисты были готовы общаться со всеми, не редко предлагая разные условия отдельным группам, тем самым способствуя расколу, из-за чего окончательные условия признавали не все и всегда оставались непримиримые. В целом переговоры являлись альтернативой силовому решению, сокращали объемы насилия, а ряд удачных попыток приводил к компромиссу, когда повстанцев принимали во властные структуры, и они приносили с собой свое видение. Но главное, что участники противостояния и жители получали возможность вернуться к нормальному существованию, без лишних жертв.

Итак, история «малой» Гражданской войны в регионе показывает, что не все вопросы решались путем насилия. Реализовывались альтернативные модели мирного урегулирования внутригосударственных вооруженных конфликтов. Изучение этого опыта позволяет рассмотреть процесс правообразования снизу, на конкретных примерах, когда новые нормы возникали не императивным путем, а являлись продуктом политических соглашений. На пути к компромиссу стороны руководствовались не «революционной законностью» или религиозными заповедями, а исходили из принципов международного права и здравого смысла. Исследование данных процессов и роли в них права, различных институтов власти, социальных групп представляет интерес, как в теоретическом так и в практическом смыслах.

Литература:

1. ОГАЧО. ФР-97. Оп.2. Д.134. Л.9, ФП-77. Оп.1. Д.127. Л.1, ЦДНИОО Ф.6002. Оп.1. Д.70. Л.99.
2. ЦГА ОО РБ. ФП-1832. Оп.4. Д. 305. ЛЛ.133-142.
3. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921гг. и Южный Урал. Оренбург, «Оренбургская губерния», 1999. 316с.
4. Ишбулатов Ф.А. «Вы поели наших кур и яиц». Вооруженное восстание в поселке Чукари-Ивановка, 1920 // Гостинный двор (Оренбург) 2000. № 11. С.147-150.
5. ЦГА ОО РБ. ФП-1832. Оп.2. Д.184. ЛЛ.1-1(Об).
6. Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917-1921гг.). Уфа: Китап, 2000.
7. ОГАЧО. ФП-77. Оп.1. Д.344. Л.133(Об).
8. ОГАЧО. ФП-77. Оп.1. Д. 241. ЛЛ.111-114, Д.344. Л.136.
9. ЦГИА РБ. ФР-1238. Оп.1. Д.17. ЛЛ.17-20(Об).
10. Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920-1922 г.г.). Алма-Ата, 1984.
11. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М.: «Янус -К», 2001. 544 с.

References:

1. OGACHO. FR-97. Op. D.134. L.9, FP-77. Op.1 D.127. L.1, TsDNIOO F.6002. Op.1. D.70. L.99.
2. TsGA OO RB. FP-1832. Op.4. D. 305. LL.133-142.
3. Safonov D.A. Great peasants' war of 1920-1921 and the Southern Ural region. Orenburg, "Orenburg province", 1999. 316p.
4. Ishbulatov F.A. "You have eaten our chickens and eggs". Armed revolution in the settlement Chukari-Ivanovka, 1920 // Gostinniy dvor (Orenburg) 2000. № 11. P.147-150.
5. TsGA OO RB. FP-1832. Op.2. D.184. LL.1 – 1 (Ob).
6. Kulsharipov M.M. Bashkir national movement (1917 – 1921). Ufa: Kitap, 2000.
7. OGACHO. FP-77. Op. 1. D.344. L.133 (Ob).
8. OGACHO. FP-77. Op. 1. D.241. LL.111-114, D.344. L.136.
9. TsGIA RB. FR-1238. Op.1. D.17. LL.17-20 (Ob)
10. Grigoryev V.K. Defeat of petit bourgeois counterrevolution in Kazakhstan (1920-1922). Alma-Ata, 1984.
11. Kondrashin V.V. Peasants' movement in Povolzhye in 1918-1922. M.: «Yanus-K», 2001. 544 p.